

как продукт обыкновенного потребления. Не случайно очень часто в современной литературе пошлость и бесталанность эксплуатируют именно волшеббно-сказочную жанровую схему.

-
1. Нечаев А. Н. О тождестве литературы и фольклора // Вопр. народно-поэтич. тв-ва: Пробл. соотнесения фольклора и действительности. М., 1960.
 2. Воскобойников В., Звонарева Л. Вчера и сегодня русской литературной сказки // Книжное обозрение. 1999. № 13.
 3. Неелов Е. М. Волшебно-сказочные корни научной фантастики. Л., 1986.
 4. Л. В. Овчинникова. Литературная сказка XX века: Мир – герой – автор. Южно-Сахалинск, 2000.

Я. Эрикссон
г. Гетеборг (Швеция)

«Кто-то посетил мою душу...»: духовный путь Ф. М. Достоевского*

Если Н. А. Бердяев в 20-е годы прошлого столетия мог сказать, что Достоевский нам ближе, чем когда-либо, то это тем более актуально в наше время. На западе Достоевский является самым востребованным писателем-классиком. Он – мастер вечных вопросов. И поскольку история не стоит на месте, как не стоят на месте литературоведческие исследования, перед нами постоянно раскрываются новые грани его творчества, его духовного опыта.

Сам я могу свидетельствовать, что никто из теологов, не говоря о писателях вообще, не имел такого огромного влияния на мое христианское мышление, как Федор Михайлович Достоевский. Я разделяю мнение Бердяева, что «Достоевский был глубоко христианский писатель» [1, с. 213] и что «он хотел бы, чтобы всякая вера была закалена в горниле сомнений» [Там же, с. 142].

Один их крупнейших западных исследователей-славистов, автор пятитомного капитального труда о жизни и творчестве Ф. М. Достоевского (1976–2002), американский профессор сравнительного литерату-

* Статья переведена Дж. Л. Лундблад и А. В. Подчиненовым.

© Эрикссон Я., 2009

роведения при университетах Принстон и Стэнфорд, Джозеф Франк, убедительно доказал, что **основная позиция Достоевского – христианская.**

Достоевский присутствует в своих романах, как немногие из писателей. У него был дар, позволивший ему выразить себя через свое творчество. «Все герои Достоевского – он сам, различная сторона его собственного духа» [Там же, с. 56], – считал Бердяев. Переломные, критические моменты в жизни имеют значительные последствия. В романе «Идиот» есть такой эпизод: князь Лев Николаевич Мышкин рассказывает дочерям генерала Епанчина о человеке, приговоренном к смертной казни. В течение пяти минут на эшафоте человек взглянул на свою жизнь другими глазами так, как он до этого никогда на нее не смотрел и больше, скорее всего, не будет смотреть.

Достоевский пережил это сам. После инсценировки смертной казни на Семеновском плацу Достоевский написал письмо своему брату Михаилу. Письмо само по себе трогательно. И в то же время оно является одним из важнейших документов для понимания моральных и духовных последствий этого трагического происшествия: «Как оглянуться на прошедшее да подумаю, сколько даром потрачено времени, сколько его пропало в заблуждениях, в ошибках, в праздности, в неуменье жить; как не дорожил я им, сколько раз я грешил против сердца моего и духа, – так кровью обливается сердце мое. Жизнь – дар, жизнь – счастье, каждая минута могла быть веком счастья. <...> Теперь, переменяя жизнь, перерождаюсь в новую форму. Брат! Клянусь тебе, что я не потеряю надежду и сохраню дух мой и сердце в чистоте. Я перерожусь к лучшему. Вот вся надежда моя, все утешение мое» [2, т. 28, кн. 1, с. 164].

Есть много примеров, указывающих на то, что Достоевский 1840-х годов сильно отличается от своего пост-сибирского *альтер-эго*.

22 декабря 1849 года Достоевский встретился с глазу на глаз со смертью. С этого момента его секулярный взгляд на жизнь коренным образом переменяется. Он начинает мучиться теми «проклятыми вопросами», которые во все времена волновали человечество. Вопросами, ответы на которые – если они вообще есть – можно найти только с помощью религиозной веры. Романы Достоевского и посвящены разрешению этого дуализма, противоречия, поискам примирения между секулярным и религиозным, христианским пониманием жизни.

По поводу плана нового большого романа Достоевский пишет Майкову: «Главный вопрос, который проведется во всех частях, – тот самый, которым я мучился сознательно и бессознательно всю мою жизнь, – су-

ществование Божие» [2, т. 29, кн. 1, с. 117]. По мнению Достоевского, каждый человек живет неким отношением к Богу. Либо положительным, либо отрицательным.

В 1840-е годы в Санкт-Петербурге Достоевский находился под влиянием социалистических и утопических идей. Белинский, который признал первое произведение Достоевского «Бедные люди» и тем самым способствовал литературному успеху молодого писателя, тоже оказал влияние на характер христианской веры Достоевского. Хотя Достоевский и не дошел до отрицания существования Божьего, но некоторое время был близок к атеизму.

В своих письмах он с осторожностью намекает на эти взгляды. После каторги в Омске он пишет своему брату, в этот раз из Семипалатинска: «А душу, сердце, ум – что выросло, что созрело, что завяло, что выбросилось вон, вместе с плевелами, того не передашь и не расскажешь на клочке бумаги. <...> Вообще каторга много вывела из меня и много привила ко мне. <...> Впрочем, сделай одолжение и не подозревай, что я такой же меланхолик и такой же мнительный, как был в Петербурге в последние годы. Все совершенно прошло, как рукой сняло. Впрочем, все от Бога и у Бога» [2, т. 28, кн. 1, с. 180].

Страсть Достоевского – человек и жизнь. В человеке сокрыта тайна бытия. Не жалея себя, русский писатель старается разгадать эту тайну. Стремление это очевидно с самой его молодости. Будучи восемнадцатилетним юношей, он пишет брату Михаилу: «...учиться, “что значит человек и жизнь”, – в этом довольно успеваю я. <...> Я в себе уверен. Человек есть тайна. Ее надо разгадать, и ежели будешь ее разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время; я занимаюсь этой тайной, ибо я хочу быть человеком» [Там же, с. 63].

Для интеллектуалов Запада Достоевский – опасный писатель. Хотя его гениальность общепризнанна, но остается, как сказал бы Кьеркегор, страх объять его со всеми его безднами. Например, когда весной 2008 года была сделана прекрасная инсценировка «Преступления и наказания» в главном театре Малмё, то эпилог был исключен именно по этой причине. Шведским зрителям не было показано, как у Раскольникова «вместо диалектики наступила жизнь, и в сознании должно было выработаться что-то совершенно другое» [2, т. 6, с. 422]. Та же мысль о необходимости верить прослеживается и в романе «Братья Карамазовы». Госпожа Хохлакова говорит Зосиме о своих сомнениях и жалуется: «Чем, чем возвратить веру? <...> Чем же доказать, чем убедиться?» «Но доказать тут нельзя ничего, убедиться же возможно» [2, т. 14, с. 52], – отвечает старец.

Иван Карамазов не хочет убеждаться, но сознает дилемму. «...Где же мне про Бога понять, – говорит он своему верующему брату Алеше. – Я смиренно сознаюсь, что у меня нет никаких способностей разрешать такие вопросы, у меня ум эвклидовский, земной, а потому где нам решать о том, что не от мира сего» [Там же, с. 214]. Алеша понимает, что происходит с Иваном: «Муки гордого решения, глубокая совесть! Бог, которому он не верил, и правда его одолевали сердце, все еще не хотевшее подчиниться» [Там же, с. 89].

Для Достоевского «сердце имеет причины, о которых разум не знает». Экзистенциализм Достоевского и заключается именно в отношении сердца и ума. Все дело – в парадоксальной близости между ними. В образе мыслей Дмитрия Карамазова это находит самое яркое выражение. В своем унижении он вдруг начинает петь хвалебную песнь во имя Бога: «...пусть я иду в то же самое время вслед за чертом, но я все-таки и твой сын, господи, и люблю тебя, и ощущаю радость, без которой нельзя миру стоять и быть» [Там же, с. 99]. В нем живет «насекомое». Но то же насекомое есть и в Алеше, в этом «раннем человеколюбце», и в «крови... бури родит. <...> Тут берега сходятся, тут все противоречия вместе живут. Еще страшнее, – считает Митя, – кто уже с идеалом содомским в душе не отрицает и идеала Мадонны» [Там же, с. 100].

После почти десяти лет фактического заключения Достоевский начинает меньше внимания обращать на внешние обстоятельства. Шведский критик Стуре Линер в своей книге «Одиночество и единение» пишет о постсибирском периоде творчества писателя: «Идеологические и социальные мотивы менее всего интересуют Достоевского, вместо них акцент делается на внутреннюю, духовную жизнь человека, который инстинктивно возвращается к жизни после того, как был уязвлен обстоятельствами. Умение победить собственную ненависть и заменить ее любовью все больше становилось основным в его творчестве» [3, с. 94–95].

1. Бердяев Н. А. О русских классиках. М., 1993.

2. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Л., 1972–1990.

3. Linnér S. Ensamhet och gemenskar. Stockholm, 1995.